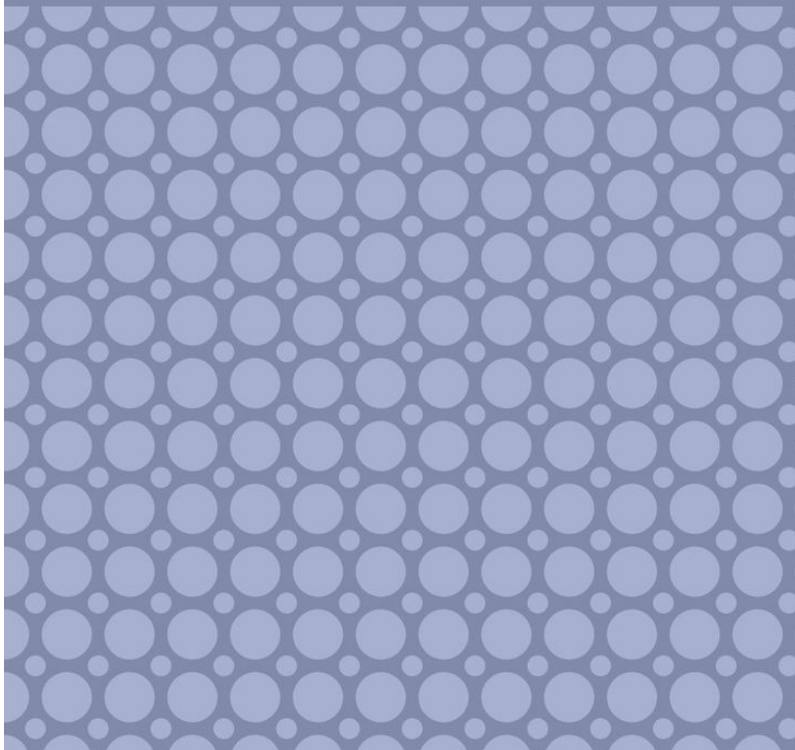


18+

Вячеслав Киктенко

Берега

Стихи о Дураке



Вячеслав Киктенко

Берега. Стихи о Дураке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015872

ISBN 9785005165985

Аннотация

Книга «Берега» – поэтический сказ о великом и, порою безбрежном, русском Дураке. Как в народных сказках, легендах, так и в нынешнем времени, жизни, бытовании.«...налево – сумрак да невнятица,Направо – торный буерак.Тот сгинет, этот разменяется...Глядь, впереди Иван Дурак.А он не видит леса гиблого,А он не слышит свиста сиплого,Всё, чем стращали на веку,А видит рощу заповедную,А бережёт полушку медную,Единственную, неизменную...И нет извода дураку...»

Содержание

Вячеслав Киктенко	5
БЕРЕГА	6
Книга стихотворений	6
ПРИСКАЗКА	9
ПОЛЕТ	10
БЕРЕГА	14
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО МУЖА	17
ГРЯЗЬ	23
БЛАЖЬ	26
НИЩИЕ	31
ЗЕЛЁНЫЕ ПЫЛИНКИ	33
АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ	36
ВИКТОРИЯ	38
БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК	40
ПЬЯНЫЙ ПРИГОРОД	44
НЕТОПЫРЬ	48
РЕАНИМАЦИЯ	49
ТУМАН	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Берега

Стихи о Дураке

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-6598-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко

БЕРЕГА

Книга стихотворений

«Из дурака и плач смехом прет»

«Дураку счастье, умному Бог даст»

«Тихая вода берега подмывает»

Полистать бы, как в сказке, ту книгу чудес,
Где слова скачут с пиками наперевес
На врагов человеческой совести,
Чтобы память, как встарь, напрягла тетиву,
Сквозняками веков шевельнуло главу
Про легенду о доблестном воинстве.

Там за каждой звездой зоркий ангел сидит,
И за всякой судьбой его око следит
В голубую узорную ставенку,
И с ресниц его свет, как с крыла мотылька,

Тихо спархивает, и заносит рука
В грустный столбик любую лукавинку.

Там змея проползла – пожелтела трава,
Самолет проревел – почернела листва,
А неправда прошла – подурнели слова
И погибли бесславно, как пленные.
Все на этой земле оставляет свой след,
Свист неправой стрелы
через трещины лет
Мегатонной ракетой, спеленутой в свет,
Опаляет иные вселенные,
Через кольца веков, уже ставших травой,
Еще опеваемая тетивою...

А кончается свет – обрывается сон.
А звезда обрывается в прорву времен,
В эту тьму, неподвластную даже уму,
Никому, никому, никому, никому
Из прекрасных и грустных имен.

И погасит светелку, ночник голубой,
И тихонько прикроет окно за собой
Безучастный свидетель с тетрадкойю.
И утешиться можно бы – все нарекли,
Все засняли, свели на магниты земли,
И стерпеть эту летопись краткую...

Только сил уже нету трунить да терпеть,

Безнаказанно лгать, над словами корпеть,
Над опешившими, разоруженными...
Я тебя обману. Ты обманешь меня.
Мы обманем – его. Оседлаем коня
И поскачем в ряду с прокаженными.

На скаку, утирая слезу рукавами,
Матерясь и рыданья мешая словами,
Будем клясться седеющими головами
Доскакать до блаженной страны,
Где царевич – Иван, а царевна – Лягушка,
А Иван-то – Дурак, а судьба – Побирушка,
А для счастья нужны лишь колчан да полушка,
Для бессмертья – и те не нужны.

Полистать бы ту сказку, ту книжку, где мрак
Кровью букв колдовских под застежкой набряк,
Где Кащей уже слышал ужасное «кряк»,
И запрятана книжка в ларец,
А ларец на дубу, а иголка в яйце...
Где бы свет воцарился в том самом конце,
Где валился дурак, смерть размысля в ларце,
И валял дурака мудрец...

ПРИСКАЗКА

Исхожены тропы бесцельные,
А Правды на грош, и только.
Те же гроши под церковью,
Что пятаки у Толстого.

И вновь, затянувшись поясом,
Шли мужички опрятные...
Правда устала от посохов.
Правда устала прятаться.

Вышла, седая. Ей кланялись,
Пыль с неё бережно сдунулась...

Только глаза затуманились.
Темные лбы призадумались.

ПОЛЕТ

Летели два гуся, особенно крайний,
Который летел как хотел,
Летели, летели, летели,
И крайний
Все рядом и рядом летел.

- Куда вы, дери вас собаки, летите?
- Уж мы потихоньку летим.
- Да вы понимаете, что вы хотите?
- Да мы уж, вестимо, хотим.

Летели, хотели... потом улетели.
Затем прилетели опять.
Особенно крайний, особенно левый,
Последний летающий вспять.

Летели два гуся, а видели гуся,
Запомнили гуся того,
Который был крайний, который был очень,
И весь из себя ничего!

Такой помрачительный, огненным клювом-
Вперед
Одинокий
Летел!..

Летели два гуся
И скрылись.
А крайний
Потом ещё долго летел.

Снеслось яйцо золотое. Пекло стоит в терему.
К чему яйцо золотое? Никто не знает к чему.
Ведь человек, он наивный, золото он не любит.
Он любит цыпленка, кошку, просто, нипочему.
Впрочем, и человечка. Впрочем, и денежку тоже,
Ежели понемножку жизнь не портить ему.
К чему яйцо золотое? Червонное, непростое...
Грех один и печаль.

Мышку зачем-то позвали,
Зачем-то яйцо расщепили...
А что доказать хотели?
А чёрт его знает что!
– «Несёшь им яйцо простое, закричат – опять золотое!..
Закричат, и опять не то...»

Жалко курочку рябу.
Жалко рябую бабу.
Бабе жалко дитятю.

А боженьке жалко – всех.
Вот и утро опять расколосось.
Вот и полдень. И рожь размололась.
Значит где-то поблизости вечер...
Вот и вечер. А значит, грех.
Утро вечера мудренее...

Мудренее? Людишкам виднее.
То скрути им совсем уж простое,
То измысли такое витое,
Что навроде и золотое,
А разымешь, навроде и нет.
Тут ведь в чем заключается дело-то?
Дело в том, что причина неясная...

Приходило солнце белое,
Уходило красное.
Только солнце не весь ещё свет.

Я люблю велосипед с крыльями.
Дельтаплан я уважаю с колёсами.
Только больше всего мне нравится
Вечный двигатель человеческий.
Что крыло без колес, это ведомо,
Это просто отрыв от действительности.

Колесо без крыла, это известно,
Приземлённость и подвига минимум.
А вот ноги простые без обуви
От земли до звезды могут вымахнуть!
Самолёт хорошо катается
И летать научился здорово,
Только петь мне его не хочется,
Потому что он глупый, как курица.
А вот ноги, былинно грядущие,
Я воспел бы словами не глупыми:

- Это корни, землей напоенные!
- Это тулова плодоносные!
- Это ветви, вселенной пропахшие!..

И не нужно мне прекословия.
Ибо тяга тоски человеческой
Неизбывна. А по свету белому
Не одна лишь дурная головушка
Их тягает, – тоска неизбывная...

БЕРЕГА

В огороде— бузина.
На базаре – редька.
В городе – дядька.
А может быть, тетька...
А может быть, ни хрена.

Хорошо, брат, на воле,
Там травушка в поле...
А и в лесу хорошо,
Дремуче, кошмарно.
А в квартире, брат, душно.
В пивной – угарно.
В семье – скушно.

Так и живём.
Что хорошо – любим,
А и любим,
Хотим не хотим —
Губим.

Вот ведь была
Девочка в классе
На любовь согласная.
Стала – мама.
Стала – баба.

Дала – дуба

Любовь первая, сладкая, грешная, чистая, ясная...

Проснешься, бывало,

– А чей это голос?

А что это страшно, аж дыбом волос?..

Меж ветел

Месяц даёт крен.

Средь ночи поднялся

Соловей?

Петел?

Хрен!

То звала-зазывала,

Домой закликала

Юность.

Как говорил Есенин, лунность.

Можно сказать июнность,

Июньская ночь в стогу,

Чёрная очь, поцелуй, ночь,

Луч на пустом берегу...

Ног, плеч, губ, глаз, рук, рек, млек, звезд

Неужто уже не сберечь?

Этой любви, жизни моей,

Этой последней,

Первой моей?..

Однако, не сберегу.

Так и живём...

Но ничего,

Всё при народе.

Бузина в огороде?

Рвём.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО МУЖА

Добавил бы, да нечего...
Забуксовал в траве.
Брызнули кузнечики,
Цок-цок по голове.

Такая околесица,
Такая дрянь с утра.
А и спал-то месяца
Не боле полтора.

С мукою великой
Разодрал выюны, —
Ноги повиликой
Изопутаны.

Все в крови иголки
Ненасытных жал,
Не допили, сволочи.
Стоят, дрожат.

Плюнул, зачурался,
Отогнал беду.
Надо ж так, нажрался!

Больше не пойду.

Не пойду ночевать
В луговую повитель,
А пойду почивать
На свою постель.

Там родная дверь.
Там своя жена.
Пусть попьёт теперь
Мою кровь она.

Как средь темниц дворов,
Фонарик на столбе,
Как ветвь среди даров,
Как нерв ветвистых строф,
Как полусонный вздрог
Мысль о тебе...

Зарница!

И взгляд —
Ошеломлён
Открывшейся сквозь лес
Дрожащей на реснице
Поляною чудес, —
Взгляд оленёнка,
Он

Распахнут счастьем, тал,..
Но, солнцем ослеплён,
Наискосок стрельнул
И луч в себе сломал,
И свет в зрачки нырнул,
Испугом преломлён...

Погоня!

И – бурелом, и гон
Впотьмах,
И стон, и взмах
Ресниц,
И в тонком звоне
Игольчатых лучей
Спокоен лес...

– Ты чей? —
Украдкой спросит взгляд
Очнувшихся очей,
Ты свет мой? Ты чужой
Обет? Чужой обычай?..

– Ты мой! – ликует взгляд
И взгляд зеленоват,
Опущен, виноват...

Добыча!

Волчья власть? Или погибель волчья?
Промолчишь – звереешь в свой черед,
Спросишь, а она все молча, молча
Бусинку за бусинкой берег.
Камушки постукивают гулко,
Ничего не скажешь, хороши!..
Ну скажи, откуда вот шкатулка? —
Ну не ведьма ль баба, ты скажи,
На ночь глядя нижет бусы, нижет,
Нижет их, переполняет тьмой...
Ненавижу всех вас, ненавижу,
Насмотрелся, видел у самой
Как потемки медленных ответов
Разломил тихая гроза,
Распахнула гору самоцветов —
Малахитом вспыхнули глаза,
Каменюги подлые, вполпуда!..
Слава Богу, буря улеглась...

...с тяжким сердцем властвовал,
Покуда
Не окаменела эта власть.

Слизняк —
Это просто улитка,
Бросившая свой домик
На произвол судьбы.

Сухой, костяной домик,
Убежище и домовина,
Прибежище, горб
И гроб.

Слизняк,
Это перебежчик
В лагерь сырой природы.

Сладчайшие лабиринты
Таят для первопроходца
Глюкозу, райский зной.
Законы круглы у шара,
Всё сводится к сердцевине,
Всё сводится к тёмной, певучей
Зерна лубяной колыбельке,
Все сводится именно к сердцу...

О, яблока влажный шар!

Слизняк,
Погубивший домик,
Приносит воспоминанье,
Прикрученное к спине.
Он ползёт сквозь яблоко, горбясь,
Впивается мягко в сердце,
Взваливает на плечи
Наливной, сияющий шар.

Не выдержат плечи,
Дрогнут,
И он рухнет с яблоком вместе
С высокой ветки
На землю,
На плоский земной шар,
На сломанный старый домик,
Похожий на пустое сердце,
Позабывшее как стучать.

А яблоко стучать умеет
Всего лишь головой о землю.
И плачет слизняк,
Улитка,
Выставленная за дверь.

ГРЯЗЬ

И когда, погрузнев, чернозём зашатался, как пьяный, захлюпал,

И дождём протемнел горизонт, точно веки сужая края,
Погружаясь в икру размозжившихся гранул и скрупул,
Верх и низ – плоским ртом – верх и низ пережёвывая, —
Вот уж тут, расфасована в сотах, в щелях баснословного ада,

Заспиртована мифом, терциной рассосана всласть,
Поднялась Благодать – расплылась, растеклась виновато
Чёрной лывой по тёплой земле... и открылась великая
Грязь.

Так утробно урчали они, бессознания могучие хляби,
Жадно чавкая, распространяя такой беспредел, беспросвет,

Что орфеев позор помрачился мычащей тоскою по бабе,
По вползанию в зыбь, зарыванию в пах – позывным преисподней в ответ.

И воспета ж, о Боже, она, – будто космос глухая арена,
Где в пазы гермошлема смердит, дышит кровосмесительством страсть

Метаробота, гермафродита, аллигатора, олигофрена,
Вся рептильно кишащая эта, пузырящаяся эта мразь...
Вот отсюда – терпи! – распложается жизнь, вот её подос-

нова,
И предательством пахнет позыв плацентарную тьму
растолкать,
Подавить эротический бред, чад гнилого похмелья, и сно-
ва
В недоноски пробиться – сквозь гумус – и чахлое солнце
лакать,
И, брезгливо отдёгнув плеву, серовиево веко, где слизи,
И болотная зелень, и муть, ещё раз подсмотреть, торопясь,
Как две ласточки взмыли оттуда, две ясные искры, две
жизни,
И одна оглянулась – так сладко, сладко млеет, ворочаясь,
Грязь.

Вот я лежу...
Гражданственен ли мой
Поступок? Я себя обороняю
От мирового зла. И зла не причиняю.
И путь воззренья моего – прямой!
Я, как свинья в грязи, лежу в мирах,
Где плещут звёзды, лужицы вселенной,
Где блещет зло из мысли неизменной,
Формующей в каркасах догмы прах.
Я мысль и слово ставлю на ребро.
Вопрос – зачем? Ответ – я очень честен!

Ответ – обрыдло навье!.. Тут уместен

Вопрос – а правдой ли творят добро?

Я полагаю – да. Хотя какой дурак

Себя не полагал простым и умным?..

И этот свет когда-то станет сумным,

И эту мысль ещё охватит мрак.

Тогда скажу – гражданственен и твой

Поступок, жалкий раб, ты сбил оковы

Тоски моей (и новой, и не новой),

Но путь воззренья твоего – кривой!

Так и скажу. А до тех пор лежу,

И мой народ глядит в меня с любовью.

Я – брат ему, я – враг!..

Но я не кровью,

Я только правдой времени служу.

Деяния мои невелики.

Точнее, велики. – Их недеяньем.

Когда заныли, как над покаяньем,

Над грязью крови нежные клыки.

БЛАЖЬ

Грудь волосатую корявой пятернёй
Дурак расчёсывал, он драл её, весёлый,
Клонясь нагой, клопочущей стеной
К притихшей в уголке подружке голой.
Она дрожала, побирушка, нежный ком
Прозрачных пёрышек, певунюшка, с морозу
Пригретая в каморке дураком,
И слушала богатую угрозу:
– «К тебе не я – смотри! – к тебе пришёл весь мир,
К тебе идёт вселенная, весь космос!
Ты чувствуешь торжественности миг?..
Нет, ты не чувствуешь, а распускаешь космы.
Во мне – гляди – бушуют ураганы,
Гудят леса, встают столбы огня,
Во мне весь Путь – от глупой обезьяны
До волосатого Меня!
Пьют пламень звёзд
Корней моих насосы,
А ветви рек, налитых синевой,
Проводят заблудившиеся грозы
В упругий ствол хребтины становой,
И я расту, расту!..
Но я растаю,

И ты воспримешь, бледное дитя,
Кровями рухну я, и напитаю,
И ты вкусишь от вечного ломтя.
Ты будешь снова ради дня стараться,
На торжище плясать и голосить,
И душу раздирать, и побираться,
Но – целую вселенную носить
Ты будешь,
Будешь миром тяжела,
Зерном его и звёздами светла...»
Приблизился, умолк...
Она легла
И слушала себя:
«Силён, бродяга,
С какими дураками не спала,
А этот приближит и впрямь, однако...»
Ещё он видел – слабых вен толчки
На нежной шее, бледные виски,
И рот, пустынной жаждой воспалённый,
И – выжженные горечью солёной,
Еще не затоплённые зелёной,
Мерцающею вечностью
Зрачки...

Пали снега, и на улице некуда стало деваться,

Взгляд обострился и резался на мелочах.
Восемь прохожих по улице плыли, а я был девятый.
Но себя я не замечал.

Цифры отчётливо прыгали с ветки на ветку.
Дом сто шестнадцать. Проезды с обеих сторон.
Пересчитал все деревья зачем-то и взял на заметку:
На изоляторах белых четырнадцать чёрных ворон.

Ни помешательство не было это, ни просто расстройство,
Но одиночеством душу однажды зимой зазнобя,
Вдруг обретёшь совершенно привычное свойство
Чётко фиксировать мир, исключая себя.

Черная стая, и та над родным пепелищем,
Что ж ты один, что ж ты один в стороне?
Выйдя из жёсткой игры, ты становишься третьим, и лиш-
ним.

Даже девятым. И получилось – втройне.

Кто арифметику эту постигнуть не сможет,
Вывод печален, не сложится доля твоя.
Если в движении цифры, то улица их перемножит.
Улица, снег, и – прохожий из небытия...

Бабушка-побирушка,
Маленькая, как ведьма,
С распущенными волосами,
По переулкам бродит,
По закоулкам рыщет,
Под окнами свистом свищет,
В ворота ногой стучит,
И палку сжимает в костлявой горсти:
«Ты-ы, – говорит – пусти-и!..»

Не открывают двери,
Бабушку не пускают...
Топчет бабушка листья,
Точит об камни ножик,
Шинкует, будто капусту,

Слезы внутри котомки,
Шатается,
Приборматывает,
Шушукается с темнотой:
«А-а, – говорит – постой!..»

Город не любит нищих,
Трясущихся, сумасшедших,
Город от века к веку
Себе грядущее строит,
А нищий – всё тот же нищий,

А он не обрящет, – ищет,
И свистом пропащим свищет,
И будущее клянёт.

Бабушка-побирушка,
Кошмар городских подворотен,
Оборотень, привидение
Крадущееся сквозь века...
Свет ли сияет в камне,
Ставни стучат от ветра,
Бродит под окнами кто-то,
«У-у – говорит – тоска!..»

НИЩИЕ

В.И. Ишутину

– Денежку носишь, достань из сумы —
Нищий у нищего просит взаймы.
Нищему нищий не смотрит в глаза:
– Хлебушко вынь, отобедать раза...
Нищий от нищего – гля, дурачок,
Камушек вот, вот полынки пучок...
Нищему нищий – а вот, погляди,
Ветошка, вишь... думал грошик, поди?..
И, как на дыбе, как на колесе:
– Будьте вы прокляты, сволочи, все!.. —
Воют, гугниво сказив голоса:
«Все нас не любят, – земля, небеса...»
Просит у нищего нищий взаймы,
Острые выточены умы,
Сирые вызнаны речи хитро,
Ухо холодное держут востро.
Так и стоят, и клянут небеса,
Пляшут, торгуются, пряча глаза,
Им не простят на просторах земных
Ни ротозейств, ни разлыбий блажных —
Око за око!..
Сквозь зубы-ножи:
– Хлебушко вынь...

– Серебро покажи...

ЗЕЛЁНЫЕ ПЫЛИНКИ

Травы подземный ход сутул,
Тяжел к свету
Сквозь мглы косность...
Туманностью зелёной затянул
Планету
Травяной космос.

Но как легки и голосисты глади
Лужаек,
Как полны света!..
Здесь залегли с транзисторами дяди,
Май
Дядье лето!

Вновь бабочки вошли во вкус
Плутать,
Ах, одноночки...
Вновь надо по кукушке пульс
Считать,
Считать денёчки.

Берёзовая роща зелена,
Светлы одежды слова,
Где всё мглисто.
Но от гармонии женщина хмельна

И от надежды новой,
Гармониста.

Распущена косынка и коса,
Но в чистом космосе
Её света
Вновь плавают березы
И глаза:
Раскосые, зелёные планеты.

Немолода, так что же,
И трава
Немолода,
Ломая мглы заслоны,
А всякий раз права, нрава, права!..
И обнажает светлые слова,
И наряжает их в туман зелёный.

И если взгляд участливых миров
Сюда проникнет вдруг,
Никчемны сострадания,
Так плавают в просветах,
Будь здоров,
Весёлые пылинки мироздания.

Когда я не в себе, а в тебе,
Когда я зарываюсь, как зверь,
В крошечный, душный сад, не в себе

И ты. И ты в засаде. И знай,
Теперь, возненавидя всю кровь,
Всю кривь земли, зарытой во мрак,
Меня, себя, и всё, что внутри,
Ты только распрямляешь мой свет
И оголяешь чистый свой ток,
Ты бьешь им из артерий, смотри,
Горят твои засады, смотри,
Просквожены до жилки!..
Теперь
Мы только свет, в нас кончился зверь,
Сгорел, извылся, свился в золе...

Мы возвратились в сад золотой.
Мы вышли из себя на земле.

АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ

Тетки пили, пили с детства,
Пил и папа, пила мама,
Все спустили...
А в наследство
Перепала пилорама:
Вжик, вжик, вжик, вжик,
Я и баба и мужик,
Никого не люблю,
Кого хочешь распилю.
Где моя
Детвора?
Ни кола,
Ни двора.
Пилорама одна,
В ней сидит сатана:
Пилит, пилит, пилит, пилит,
Кружит, кружит, кружит, кружит...
Дети были б,
Нету мужа.
Нету бога,
Нету беса,
Вот уже и нету леса,
Вообще – ничего,
Вообще – никого.
Я одна во хмелю

Голый воздух пилю.,

Потому, что я бог,
Потому что – стою,
И толкаю под круг
Все вселен-ну-ю...

ВИКТОРИЯ

В отделе, где для сытых морд
Разлыбилась витрина,
Пристал какой-то обормот
С обмылком маргарина.

Отвесив мокрую губу,
Он шепелявил с жаром
Про семь копеек, про судьбу,
И про трубу с угаром,

И прояснялось по пути
В дурнинке полутрёпа:
Он к тридцати своим пяти
Работник гардероба,

Что хоть и Витькой звать его,
Не так уж просто это,
Он знает верный перевод,
Виктория – победа,

Что честен, несмотря на то
Что пьян, и что не может
Девятый год купить пальто,
И воровать не может.

Мы распростились. Он отстал.
И тупо, до обеда
Плевался я и бормотал
Виктория... победа...

Какие лица лепит Бог!
Фарфоровые, роковые,
Картофельные, восковые,
Сырые, мятые, кривые...
Я перечислить всех не мог
Пока, невозмутимо-бодр,
Со дна метро, как экскаватор,
Вычерпывал их эскалатор...

Народонаселенья смотр!..

Значенья тайного полны,
Всходили и смеркались лица,
Зачем? В каких вселенных длиться?
В каких туманностях весны?

И уплывали в полутьму...
Зачем? Кому нужны такие?
А всё кому-то дорогие,
Непостижимые уму.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Ах большой человек, большой человек,
Почему ты не любишь людей маленьких,
Не всегда, понимаешь, удаленьких?
Скажи, большой человек.

Вот ты ногу занёс на ступень —
Раз!
Вот ты руку вознёс над сердцами —
Два!
Вот ты слово своё произнёс,
Глаз
Поворачивая едва...

А они – мураши-мураши,
Копошатся, считают шиши,
Тащат крохи к себе в нору,
Про тебя сочиняют муру,
Похихикивают по углам,
Делят слёзку напополам,
Под тобой подпирают ступень...

Ну не будь же ты, словно пень!

Ты их, маленьких, в руку возьми,
Ты их тоже маленько пойми,
Не обидишь – и хорошо..
Пригодятся ишшо...
Одиночество, это горе.
Ты большой, ты наплакал море,
Корабли по нему пустил,
А ещё сильнее загрустил,
Одинокий большой человек.

Я дурак, я тебя пожалею,
Я тебе любви пожелаю,
Если хочешь, с тобой погорюю,
Ну хотя бы с тобой покурю я, —
Ты возьми, со мной подыми,
Я ведь просто скажу: прими
Табачишки от дурачишки,
От стареющего мальчишки...

Дураков обижать нельзя,
Дураки, они умным друзья,
Любят правду молоть, и неправду полоть,
От них многого можно послушаться, надоумиться...
Ты ведь очень большой, ты ведь умница,
Ты людишкам скажи-возьми:
«Будьте искренними людьми,

Это, я доложу вам, силища!
Сколь ни будет лукаво страшилище,
Ему правды не обороть,
Вы ведь люди, вы ведь – народ!
Да и я вот за вас, я большой-пребольшой
Со своей агромадной душой.
Кто обидит маленьких, впредь
Будет дело со мною иметь!..»

Вот и будет всем хорошо.
И не быть твоему одиночеству,
И не плакать тебе над отечеством,
Одинокий, большой человек.
Ты ведь умный, возьмёшь и поймёшь.
Вот подумаешь, пообедаеть,
И всё по словам моим сделаешь...

Дураков обижать нельзя.
Они умным ба-альшие друзья,
Только умные, те таятся...
А чего дураку бояться?

До самого жданного, прошенного,
Ревнивой судьбой замороженного
Старательно, наверняка,

Всегда не хватало – ну, может быть,
Какой-нибудь капельки, Боже ты мой,
Какого-нибудь пустячка:
Слезинки, просинки, горошинки...
Как в детстве, в жару, до мороженого
Какого-нибудь пяточка!..

ПЬЯНЫЙ ПРИГОРОД

Лучшие пьянки, как дети,
Краденым счастьем вольны,
Лучшие песни на свете
Кликамы воли хмельны.

Слышишь? Трубят электрички,
Личики смотрят в стекло,
Как тут не брать по привычке
Вместо билета бухло?

В тамбуре запирацца
Где-то на станции «Лось»...
Кончилось время пространства.
Время любви началось.

Солнышко, как тебя кличут?
Песенкой грусть озари,
Под перебор электрички
Горлышко посеребри,

Вздогни, Маришка-Иринка,
Разовая дереза,
Пригородная соринка,
Розовые глаза,

Вздروгни и спой мне, Аришка,
Слёзку стряхнувши, как сор,
И не горюй, что воришка...
Кто не воришка, тот вор.

В старой школе двери заколочены.
Мхом плита к парадной зацвела.
Повилика саженцы сожгла...
Постою, как олух, у обочины,
Покурю. Такие вот дела.
Жизнь моя, да разве ты была?
Или это просто заморочены
Новоделом, временем и прочими
Выдумками наши зеркала?
А пройди насквозь, глядишь, цела
Та страна, и сладкие проточины
Хлынут в сад, и яблонями включенными
Молодая ночь светлым-светла.
Первая весна. Гроза и мгла.
Свет в окне, и мокрая ветла,
И тревожит нежность неурочными
Встречами, звонками полуночными,
И страна вздохнула, ожила
Шумными субботниками, срочными
Сводками целинными, сверхточными
Запусками к звёздам, и кругла
Юность, как планета, и молочными
Выпуклыми реками тепла.

И густеет зной плодами сочными,
Наливает смутую тела...
Жуковины детства. Червоточины
Отрочества... все-таки была.

Только двери, двери заколочены
И трава ступени взорвала.

Девушки мерцающие
Бога отрицающие...
Ходят девушки, как лимузины,
Издают непонятные хрусты,
Как резины из магазина,
Раздувают скрипучие бюсты.
Ну чего ты включилась, пофаривая
На мои накопленья валютные?
Дураку на рулетке пофартило.
Не нужны мне глаза абсолютные.
А нужна мне горячая, подлая,
Как и сам я, реликт непроявленный,
Чтобы выла в ночах, чтобы ползала
В дебрях крови, хвощами расплавленной!..
Грешен, грешен я, алчущий мытерю,
Подползу я ко грешнице лютыя,
Ей кровя её, слёзоньки вытеру,
Бог укажет срока абсолютные,
До прожилки укажет, до точки
Бледной веточке час розовения:

– Лозо, древо мое чудоточное,
Крине райского прозябения...

НЕТОПЫРЬ

Шестигранною, костяною
Рамкой пущенный сквозь весну,
Нетопырь снуёт под луною,
Перечёркивает луну.
Черновязи безумная спица,
Тайноклинописи перо,
Полумиф, полужверь, полуптица,
Кошка-мышка, цифра зеро.
Ворожбы и светобоязни
Наводящий жуть ветеран,
В тёмной замше палач для казни,
Перепончатый бумеранг,
Ископаемый птеродактиль,
Прошмыгнувший под прессом лет...

Оставляет от мифа редактор
Микрофабулу. Микроскелет.

Вот и всё. Ни зверем, ни птицей
Обозначиться не спешит.
Ужас кружится над черепицей.
Жуть кожевенная ворожит.

РЕАНИМАЦИЯ

...а было вровень мне лишь то, что кровно.

Был дом и сад, пригожая заря.

Был воздух тих в окне календаря,

В покоях прозы сердце билось ровно.

И вдруг – облыжный гром и ругань, словно

Хмель выдал вечно сонного псаля,

Глухую псарню сердца разъяря

И раскатав по рёбрышку все брёвна...

Я б отлежался там, в палатах прозы,

Не кинься ритм цепной мне сердце рвать...

В кардиограммах – молнии, и грозы

Уже идут с ножами врачевать

Увечный воздух, и белы угрозы

Дремучей крови сад раскорчевать.

ТУМАН

Во кругу, во кругу ли во замкнутом,
Во пространстве, замочками запертом,
Да во времени, донельзя занятом,
Возмечтаем о воле, друзья!
О свободном стихотворении,
О колышущемся ударении,
О четвертом, дурном измерении
Трехсоснового бытия,
Где со-бытия
(По нормальной шкале соответствия)
Без причины не имут и следствия,
А вот следствие (без причины) —
Привилегия дурачины
Сочиняющего без зазрения
Совести
(Средь роскошного измерения)
Повести
Вневременных
Дел...

Там совсем обалдел
Иван.
Поднимает Иван

Стакан.

А в стакане стоит —

Туман...

Фонари наливаются тусклые,

У бандюг наливаются мускулы —

На работу пора, на грабеж,

Изымать заработанный грош

У прохожего, уважающего

Официально предъявленный

Нож.

И шныряют машины в стакане,

Расталкивая гудками

Туман...

Наполняется пеной стакан.

И кипит в нём огромный Город

С ресторанами и витринами,

С озверевшими в полночь гитарами,

С дорогими, тягучими барами,

Где девчонки с судьбой переломанной

Цепляются за соломинку

Размалёванными, кричащими

Коготками – кровоточащими...

Вот одна поднимает глаза,

А глаза такие знакомые,

Такие зелёные, такие старинные —
Длинные...

Помнится, веке в двенадцатом
Я любил тебя, милая, бедная,
Те бересты любовные, бледные-бледные,
По музеям ещё хранятся.
Ты любила ль меня, ты скажи,
Зря ль тужил я, вину семь веков хороня?
У какой мы расстались меж
Я не помню... прости ты меня!
А как звали тебя, постой...
Помню только – неве-естой...
(Невесть что я перезабыл!).
Помню только, ты песню знавала
Ту, что вместе со мною певала —
О дороге, о жизни длинной,
Да богатой такой, да счастливой...

Ты не стала тогда женой.
Половецкая шла война,
И за этой войной, словно за пеленой,
Ты так слабо стала видна.
Говорили потом – кружила
По дружинам да по кружалам,
Зелье дула, с шутами ржала,

По закутам сирот рожала,
На морозах, как сука, дрожала,
И, разжалобясь, жизнь разжала
Свои руки...
И всё, пожалуй.

Где тут следствие? Где причина?
Ты глядишь на меня с усмешкой:
– «Если вы настоящий мужчина,
У вас непременно должна быть машина,
Мне так нравится запах бензина,
Покатайте меня на машине!...»

Ну, так что же ты, ну, не мешкай!
Ты ей в прошлом наделал горя,
Ты теперь её топишь, ведь топишь в море
Разливаннее всех морей,
Так топи – захлебнётся скорей!
– «Принесите бутылочку водки...
Что сказали? – простите глухого...
Ах, шампанское нравится, вот как,
Ну, тогда нам полусухого...»

Вздогни, девочка, побирушечка,
Дорогая моя подружечка,
Вспомни, милая, дурака,

Променявшего ни за грош
Белокрылого мотылька,
Золотого своего дружка,
Тебя, моя девочка,
На кураж да хмельной правежь.

У меня нету машины – нет времени,
Я тебя прокачу по времени,
Я тебя проведу по городу
Со светящимся циферблатом,
Лягушачье платье продрогшее
Замену тебе царским халатом —
Привыкай ко моим палатам,
Ко моим привыкай хоромам,
Править будешь отныне и садом, и домом,
(Три окошка, да сто дверей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.